

15. Шилов Ю. А. Ветическое наследие Поднепровья // Гандхарва – арийский спаситель. Ветическое наследие Поднепровья. М. : Сфера, 1997. С. 122–128.
16. Шохин В. К. Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.). М.: Наука, 1988. 336 с.
17. Shri Mahaprabhu vani sangrah, 1989. 196 с.

Е. И. Трубалева

Белгородский институт экономики и права

Структуризация концептосферы как моделирование языковой картины мира: к проблеме стратегий интерпретации

Джордж Лакофф писал: «В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в изучении естественного языка» [6, 32].

В последнее время филологические науки уделяют большое внимание изучению подобных схем, несмотря на то, что до сих пор не очевидно, что они собой представляют. Когнитивистика, которую некоторые ученые-филологи не признают за классическую филологическую дисциплину, поскольку она во многом стоит на пути догадок, проверить которые опытным путем пока не представляется возможным, воспользовалась терминологическим аппаратом и теорией *искусственного интеллекта* – базовыми положениями, разработанными еще Марвином Мински. Прекрасная идея американского ученого, задающегося вопросом о наиболее эффективной структуризации информации – но только для создания искусственного интеллекта – была полностью перенята и применена по отношению к человеку. И сейчас в когнитологии выстроена вполне логичная картина фреймовой репрезентации знаний, однако, методика построения подобной картины состояла, в подгонке лингвистических данных под термины фрейм, слот, скрипт, семантическая сеть, трансфрейм, фрейм-картинка и проч. Введение новых терминов, таким образом, есть проявление формальности описания; очень часто не наблюдается содержательного новшества за новшеством формальным.

Например, суть фрейма, описываемого как «набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, набор сущностей, существующих в описываемом мире и организацией представлений, хранимых в памяти вместе с организацией процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем» можно объяснить проще [2, 188]. Это структура данных, которая служит для представления стереотипных ситуаций, организованная по семному принципу вокруг определенного концепта, то есть совокупность лексико-фразеологических средств, связанных грамматически, объединенных различными словообразовательными гнездами и заданных определенной темой.

Большинство ученых, разрабатывающих теорию фреймов, соглашаются с тем, что реципиенту информации очень сложно, а подчас невозможно вычлнить правильное значение слова в своеобразном информационном вакууме – вне доступа к контексту энциклопедического типа, ко всему знанию, относящемуся к данному слову. Понимание слова, определение актуализации семы складывается из опыта, наработанного человечеством или группой людей и известного реципиенту в языковом выражении – то есть символической кодировке. Способность

декодирования, с одной стороны, обусловлена социальными факторами, а, с другой, — индивидуальными особенностями восприятия реципиента, а также его пресуппозиционной ситуацией. Воспринятое слово включено во фрейм семантически организованного знания, базирующегося и высвечивающего определенный концепт. Фреймы, таким образом, представляют собой когерентную структуру взаимосвязанных концептов, понимание одного из которых вне знания остальных невозможно.

Фрейм состоит из слотов - ячеек, за которыми закреплена определенная сема. Каждый слот базируется на максимуме грамматических категорий, в которых может актуализироваться сема. Таким образом, фрейм представляет собой максимальный объем знаний о ситуации, который выражен, прежде всего, лексически (инвариант лексемы хранится в слоте) и связан ассоциативно (по частотности, признаку максимальных совпадений) и грамматически. Вся совокупность фреймов, таким образом, является тем, что вслед за Лео Вайсгербером стали понимать как «языковую картину мира» — опыт, представленный в языке и, в свою очередь, языком обусловленный.

Частое обращение современной лингвистики к понятию языковой картины мира способствовало некоторому размытию данного термина, который в работах разных исследователей может приобретать разные значения. Понятие языковой картины мира закономерно основывается на философском понятии картины мира, обозначаемом как «совокупность мировоззренческих знаний о мире» [4, 654], «система интуитивных представлений о реальности» [3, 122]. Таким образом, можно выделить картину мира отдельной личности — индивидуальную, картину мира социальной либо профессиональной группы, определенной нации, а также универсальную картину мира, в общих чертах характерную для восприятия любого человека. С точки зрения временной парадигмы возможно описать различные типы картины мира, основываясь на традиционной периодизации исторического континуума: Первобытное общество, Древний мир, Средние века и т. д.

Л. Витгенштейн, описавший мир как «совокупность фактов», не выходящих за пределы знания языка, считал, что человек издревле стремится «выглянуть за границу», но не может ни сделать этого, ни с достаточной доказательностью описать саму границу, поскольку сам постоянно находится в плену языка: «Границы моего языка означают границы моего мира»; «То, чего мы не можем мыслить, того мы мыслить не можем» [1, http://www.zipsites.ru/books/logiko_fil_traktat/]. Предложение, таким образом, отражает мир, изображая в словах его факты. Предметы, «вещи» мира обозначаются именами (словами), а отношения между ними — предложениями. Познание мира, соответственно, может осуществляться только через язык, и язык, в свою очередь, может влиять на познание мира.

Но языковая картина мира может быть различна для носителей разных языков, что закономерно обусловлено разным географическим положением и историческим реалиями, в которых находился данный народ. Соответственно, если язык изначально складывался из определенного опыта народа, то впоследствии сам язык как вместилище особого мировоззрения нации начинает влиять на новых членов языкового сообщества, прививая им общий для других его членов характер мышления. Более того, мировосприятие человека может быть напрямую связано с тем, какую художественную литературу он читал. В случае, если в текстах было уделено меньше внимания описанию, например, обоняния, читатель будет уделять меньше внимания феномену обоняния и в реальной жизни.

Фреймовые структуры, грамматически и содержательно организованные схожим образом, содержат в себе знания о языковой картине мира и имеют индивидуальные особенности. Интерпретация языковой личностью тех или иных языковых фактов происходит по-разному. Проблема интерпретации и правильного понимания текста изучается герменевтикой, стоящей за достижение перфекционного коммуникативного акта, при котором воспринимающее информацию лицо будет понимать ее точно так же, как и лицо, продуцирующее информацию. Однако, одинаковое идеальное понимание любой обретенной языком ситуации не представляется возможным. Новая воспринятая информация, иначе — текст, — интериоризируется не в отдельный свободный фрейм, но в уже существующие структуры со своими приоритетными концептами. Именно от того, какой концепт лежит в основе фрейма и каким образом он входит в основные концептосферы, зависит та или иная интерпретация одного и того же текста.

Особенно ярко это видно при представлении читателю текстов аксиологического — морально-ценностного содержания. Концепты, базирующиеся на аксиологических основаниях, составляют ИДЕАЛЬНЫЙ ФРЕЙМ. Изменяя компоненты значения в слотах данного типа фрейма, изменяя выработанные стереотипные сценарии, можно изменить весь аксиологический фон субъекта/реципиента/читателя — и манипулировать им, если угодно.

Примером этого может послужить еще памятный нам роман Дэна Брауна «Код да Винчи» [5, 342]. «Наконец-то мы знаем правду!», «Это сатанизм, ересь и богохульство!», «Это надежное историческое исследование!», «Это вымысел, потому что это художественная литература» — вот, по крайней мере, четыре полярных мнения, происходящих из разных стратегий интерпретации текстов.

Феномен романа Д. Брауна «Код да Винчи» состоит в том, что актуализированные в тексте концепты, интериоризируясь в языковой картине мира читателя, могут изменять его концептосферу.

Это происходит по принципу нарушения закона непротиворечия, гласящего, что два противоположных суждения не могут быть одновременно истинными. Читатель не может ассимилировать противоположные смыслы и оказывается перед выбором: либо, руководствуясь и сделав выбор доверия новым представленным ему доказательствам, он выберет вторую теорию (вторую картину мира с доминирующим концептом ГРААЛЬ, заданным топиком «Иисус Христос — смертный человек, имеющий потомков»), либо останется с первой как более для него убедительной.

Исследование показало, что при восприятии новой информации языковая личность проходит следующие этапы: удивление (когнитивный кризис), верификацию, принятие/непринятие, облегчение. Мастер-класс Дэна Брауна состоит в том, что он использовал эти стадии в своем романе и применил их по отношению к главной героине — Софи Неве, для которой, как и для так называемого «наивного читателя», получаемая информация является новой. Читатель, таким образом, если он не является настоящим специалистом в области семиотики, с самого начала находится в положении, похожем на то, в котором очутилась Софи. Вместе с ней он удивляется, проходит стадии верификации новой информации и, наконец, принимает ее, поскольку проще сделать подобный выбор вместе с кем-то, пусть даже с придуманным персонажем.

Исследование показало, что процесс верификации новой информации Софией Неве отражают несколько стадий — причем выраженных чисто лингвистически. Это 9 шагов-реакций недоверия, полуотрицания новой информации (из

них пять удостоверяющих вопросительных конструкций и четыре оценивающих реакции негативного плана, обобщенных семей «stark disbelief»). Это двадцать три шага, построенных по принципу усиления семы недоверия, из них 7 реакций сомнения, 11 вопросов, имеющие характер поиска доказательства своих мыслей, утверждающих нечто противоположное заявлениям профессора Лэнгдона, 9 утверждений «не может быть». Семантическое усиление в пределах семы «неправда» приводит к острой негативной реакции: “her eyes flashed disbelief”.

Однако в главе 55 сюжетная линия обогащается появлением нового персонажа, несущего Софи новый текст. Показательна стратегия объяснения сэра Ли Тибинга, полностью убеждающая Софи Неве — и, возможно, читателя. Речь Тибинга построена на использовании декларативов — не требующих доказательства утверждений, вводных слов с модальным оттенком уверенности (actually, in fact, understandably, of course, nonetheless), противопоставлений, затрагивающих базисные концепты (educated Christian — Christian, true — false, man — woman), Сократического диалога, методик этимологического анализа слова и методики трактовки символа. По мере рассказа реакция Софи претерпевает изменения. Теперь она уже удивлена — surprised употреблено 5 раз — и, в конце концов, достигает предела акта коммуникации — облегчения, что, однако, более тонко подано в тексте: «Sophie wasn't sure whether to feel relieved or disappointed».

Очень тонкая стратегия убеждения, использованная автором текста, нередко убеждает читателя выбрать новую социокультурную парадигму.

Но, если очень многие умеют пользоваться коммуникативными стратегиями убеждения, то кто умеет пользоваться стратегиями интерпретации? По большей части, люди оказываются в плену своей языковой картины мира, как и полагали разработчики теории лингвистической относительности Э. Сепир и Б. Ли Уорф, призывавшие к более тщательному изучению лингвистики как дисциплины, способной открыть глаза на многие вопросы, возникающие при изучении проблем культурологического характера.

Однако стратегии интерпретации были разработаны филологами. Именно в их руках — магическая сила изменять трактовку текста в зависимости от вида анализа который мы хотим применить. Любой текст можно декодировать сколько угодно раз — и каждый раз по-разному. Представляется разумным обучение детей еще в школе различным методикам анализа текста, чтобы научить их возможности по-разному взглянуть на один и тот же сюжет, одних и тех же персонажей. Это может помочь им в будущем сохранить идентичность своей концептосферы вне зависимости от используемых на них стратегий убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. // Логико-философский трактат. 2009. http://www.zipsites.ru/books/logiko_fil_traktat.
2. Демьянков В. З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 286 с.
3. Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М. : Агаф, 2000. 432 с.
4. Новейший философский словарь. М. : Книжный Дом, 2003. 1280 с.
5. Brown D. The da Vinci Code. Doubleday. New-York London, 2003. 454 p.
6. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things... What the Categories Reveal About Mind. The University of Chicago Press. Chicago-London, 1987. 76 p.